

ГАРНИЗОННЫЕ БАЙКИ

Советской гарнизонной жизни посвящается...

ВРАГ НАРОДА

*Разоблачен враг народа товарищ Л.П. Берия.
Заголовок в газете «Уральский рабочий» 1953г.*

Кому пришлось столкнуться с жизнью и реалиями советского военного гарнизона за рубежами любимой Родины, тот меня поймет!

Итак, после окончания нашего интеллигентного, но довольно невоенного Института попал я служить в Арбузно-Помидорную Группу войск, так на военном фольклоре называлась Южная Группа войск, расквартированная в щедрой и живописной Венгрии. При распределении в отделе кадров политуправления (я ведь заканчивал 3-й факультет и в ЮГВ попал по «профилю») меня назначили старшим инструктором по спецпропаганде в политотдел 93-й мотострелковой дивизии. Как и почти все советские дивизии она имела выдающееся военное прошлое (трижды орденоносная, гвардейская и еще с почетным наименованием «Харьковская»), довольно серое в то время настоящее и уж давно не ведала о своем бесславном будущем. В 2015 г., будучи бригадой ВСУ, она была полностью разбита в боях за донецкий аэропорт.

Но вернемся в годы 1980-е. Первый год моего по-настоящему военного существования прошел довольно мирно и спокойно. Мой начальник политотдела, полковник Семенов Артур Павлович, был человеком во всех отношениях достойным и положительным. Меня он использовал по прямому назначению и даже крупно прикрыл после развода, последовавшего после скоропалительной, лейтенантской, как ее в армии называли, женитьбы. Тот факт, что в последующем дважды занимая генеральские должности, Артур Павлович так генералом и не стал, служит лишь подтверждением данной оценки.

Но жизнь идет и, окончив 5-летний срок службы за рубежом, полковник Семенов отбыл в Калининград с повышением, а вместо него политотдел «оседлал» недавний «окружной комсомолец» в майорском (это на полковничьей-то должности!) звании. Кому приходилось встречаться с этой категорией выскочек, тот, надеюсь, подтвердит мое к ним полное отвращение. Фамилию его я называть не буду, глубоко запало во мне безгливое отношение к этой личности. Партийное чванство вкупе с недалеким умом всегда опасны на высоких должностях.

Итак, началась «новая жизнь». В первый день своего «командирства», на представлении, этот «гоголь» не нашел ничего лучшего, как заявить, что в «вашей» дивизии творится полный бардак и лишь ему партия доверила его искоренить. Кто не знает, тому поведаю, что начальник политического отдела соединения в СА был первым должностным лицом, не только назначаемым приказом Министра обороны, но еще и утверждавшимся в ЦК КПСС. Мой новый «босс» страшно этим гордился и поминал везде и всюду, к месту и без оного.

Паковавший к тому времени чемоданы комдив, только что «олампасенный» молодой генерал, не выдержал такого заявления, но, не желая портить свою карьеру (а уходил он первым замом Командарма в Ровно), лишь спокойно посоветовал вновь прибывшему считать дивизию ныне «своей». Действия этот урок не возымел. Бывший комдив через недельку убыл к новому месту службы, вновь назначенного ждали еще более месяца, врио комдива побоялся воевать с начпо и ... началось!

Первым звонком «новой метлы» стал подъем политотдела по тревоге. Кому приходилось сталкиваться с «тревожными» вопросами знает, что оповещение офицерского состава в гарнизоне было организовано не по оргштатной структуре, а по месту жительства. Т.е. посыльный комендантской роты прибегал в ДОС (дом офицерского состава) с жетоном, на котором были написаны адреса всех офицеров части (в данном случае – штаба и управления дивизии) и оповещал либо о «сборе», либо о «сборе по тревоге». Разница огромная, второе означало значительно более серьезные причины.

Продрав в 4 утра свои глаза, начпо поднял трубку телефона прямой связи с оперативным дежурным штаба дивизии и объявил «сбор по тревоге» политотделу и подчиненным ему структурам. К оным относились: редакция и типография дивизионной газеты, дом офицеров и еще одна странная организация, без которой ну просто нельзя было в советские времена существовать, а именно вечерний университет (!?) марксизма-ленинизма. Время пошло...

Оперативный дежурный в недоумении передал сигнал дежурному по штабу, каковым в ту ночь выпала нелегкая оказаться автору этих строк. Что делать? «По тревоге» означает с выходом техники. Дивизия постоянной готовности, от времени подачи сигнала до выхода техники из парка не должно пройти более 45 минут, но как оповестить только офицеров политотдела, живущих в разных домах? Посыльных из комендантской роты, по совету опытного оперативного, я собрал и озвучил, кого надо оповещать. Но едва проснувшиеся солдатики все перепутали и «для верности» подняли с постелей всех офицеров, кто жил в домах с политотдельцами...

Началась вселенская неразбериха... неоповещенные, но проснувшиеся на шум, не особо поняли, почему часть «народа» гуртом галопирует в полевой форме («тревожные» чемоданы были всегда под рабочим столом), а к ним посыльный не прибыл! Забыл, не оповестил! В те времена опоздать по сигналу «сбор» было серьезным проступком, а не прибыть и подавно. Посему, бережёного Бог бережет, все офицеры штаба и управления дивизии включились в «бега», оповещая друг дружку. А штаб и управление дивизии – это более 120 офицеров и прапорщиков!

Порядок «сбора по тревоге» предполагал выдачу личного оружия и боеприпасов по карточкам-заменителям и я был этим всецело занят, когда появился начпо и начал громко орать, возмущаясь тем, что никто ему не «подал команду» при восшествии Его Высочества в здание штаба... Кстати, по тревоге никаких команд не подавалось, но откуда об этом знать ставленнику партии? Дальше – больше, «прискакал» врио комдива и начал «строгать» оперативного за «недоклад»... Потом «прилетел» начальник штаба и присоединился к «дёру» всей дежурной смены... Вопли, крики и многоголосый мат покрыли холл штаба...

Только старый и мудрый начальник оперативного отделения штаба полковник Данильченко догадался «дойти до сути» и начал допрос: кто – во сколько – какую команду дал. Получив исчерпывающий ответ от «первоисточника», т.е. оперативного дежурного, он отвел в сторону своего непосредственного начальника – начальника штаба и начал что-то ему шептать на ухо. Потом, к этой компании присоединился и врио комдива. После краткого обсуждения, комдив объявил «отбой» и пошел к себе в кабинет объясняться с оперативным дежурным штаба Группы войск, который уже живо интересовался происходившим.

После сдачи оружия офицеры были отправлены по домам «досыпать», а вышеупомянутая троица, призвав начпо, удалилась в кабинет комдива... Уж не ведаю, что произошло за закрытыми дверями, но в тот день мне не было суждено смениться и отдохнуть.

Явно поучив взбучку, разъяренный начпо с час орал матом на меня в своем кабинете, потом к нему присоединился его зам... Ну а потом началось! У всех политотдельцев и иже с ними были проверены и «тревожные» чемоданы и личные планы по степеням боеготовности и все прочее. В воздухе летали выброшенные из чемоданов шмотки, пересчитывались банки консервов... Особливо, кроме меня, налетело «домофицеровским» и «университетским» орлам, которые и не ожидали отрыва от «теплой» жизни» - ранее их никто и никогда не трогал по тревоге, ибо в боевой обстановке они нужны были в поле как зайцу стоп-сигнал. Меня же «драли» за то, что мой экипаж звуковещательной станции выходил в район не в составе колонны

штаба и управления дивизии, а в составе батальона связи, где, кстати, он и состоял по штату.

Моя же роль в утренних событиях была определена однозначно – мои действия как дежурного по штабу были объявлены «провокаторскими», цель их – подрыв авторитета как самого начальника политического отдела, так и политотдела в целом, а, значит, и влияния партии на процесс боевой готовности целого соединения. У нас всегда любили обобщать и из мухи вылепить слона. Сюда же приплели и знание иностранных языков, ладно там венгерского (он, все-таки нужен!), но вот английского! Зачем он нужен нам? А когда начпо поинтересовался происхождением одинокой медальки на моей могучей груди и узнал, что она получена «за Эфиопию», то ему все стало ясно окончательно. Мне было объявлено, что я не только «враг народа», но еще и «агент» зарубежных спецслужб и заслуживаю только одного – немедленной депортации в городок Камень Рыболов, самую восточную советскую мотострелковую дивизию! Не ведаю уж почему, но отсылка в этот неведомый мне край висела надо мной дамокловым мечом все оставшиеся дни моей службы в ЮГВ.

В Камень Рыболов я так и не попал, заслуга в этом принадлежит начальнику «профильного» отдела политуправления группы войск, но последующие 2 года службы были для меня хорошей школой военной жизни, надо признать, воспитали стойкую ненависть к выходцам из военно-комсомольского племени.

Ради смеха можно добавить, что по истечении срока службы в Венгрии сам начпо по замене оказался в н.п. Серебрянка (ЗабВО), в учебной дивизии им. Л.И. Брежнева! Времена уже были другие и многие оценили это назначение как ссылку...

Р.С. Надо же было такому случиться, но через несколько лет я стал свидетелем подобных же событий, но большего масштаба, уже в Ленинграде. Назначенный начальником штаба ЛенВО генерал-лейтенант Ачалов В.А., летней ночью 1987 г. поднял штаб и управление ЛенВО по сигналу «сбор», не приняв во внимание разведенные мосты... Когда толпы офицеров в полевой форме начали призывать ленинградских «гандольеров» перебросить их на правый берег Невы, да еще и в присутствии туристов, только высокие связи спасли генерала от неминуемой расплаты. Хотя, как шептались в штабе, и от Командующего войсками, да и из Смольного ему перепало по первое число!

ПОРУГАНИЕ ГЕНЕРАЛЬСКИХ ШТАНОВ

Генерал - это не воинское звание, а состояние души

Супоминавшимся ранее комдивом-93, генерал-майором Сырцовым А.М., связана следующая гарнизонная байка.

В установленные сроки и время состоялся указ Президиума Верховного Совета, объявленный приказом Министра обороны, и скромный полковник Сырцов, командир 93 гв. мсд обрел генеральство...

Как ни готовились, но случилось сие нежданно и вновь испеченный генерал не был полностью обмундирован. Посему он сам изобрел себе смешанную форму одежды: папаху генеральскую ему по традиции вручили на заседании Военного совета Группы войск, генеральские погоны были приторочены на рубашку (китель еще не был готов) и на полевую куртку (не была готова и шинель). А вот со штанами вышел конфуз, на складах нашлись лишь брюки с лампасами на выпуск, которые и пришлось надеть с ботинками.

А комдив был люто ненавидел малейшие нарушения формы одежды, в гарнизоне «параллельные» брюки всегда были объектом его охоты, а тут... Но делать нечего, и супруга заставила вновь испеченного генерала прогуляться по главной улице Песчаных карьеров. Так, в переводе с венгерского, назывался военный пригород города Кечкемет, который, в свою очередь, означает «козлиное болото». Как ни вспомнить, «генералы песчаных карьеров», да еще на козлином болоте!

Гордо шагает генерал, офицеры бодро отдают честь, становясь по стойке «перпендикулярно», испуганно переходят на строевой шаг стайки солдат – искомый эффект в процессе достижения!

Но тут из какой-то подворотни выбегает пес по кличке «Авось», добрейшей души создание, всеобщий любимец, на котором разве что только не катались гарнизонные дети. Барбос, видать, был так потрясен видом полосатых штанов, что не задумываясь хватил Сырцова за штанину и, о, ужас!, порвал единственные генеральские брюки...

Пес сумел удрать, на командирские крики сбежались те, кому положено по штату и выслушали приказ – казнить преступника! Как положено, начальник штаба отреагировал чисто по-военному и из-под пера операторов появился приказ о борьбе с «бродячими животными». Подобрана была и соответствующая юридическая база – забота о детях, о штанах ни слова не было сказано. Был назначен и ответственный исполнитель – заместитель командира дивизии по тылу полковник Щерба.

Далее следовало исполнение, а исполнение безупречных приказов всегда чревато проблемами, а то и происшествиями. Так случилось и этот раз. Зам по тылу поручил борьбу с Авоськой ветеринарному врачу, был и такой кадр в штате полнокровной дивизии. Должность эту занимал некто капитан Олег Богомолов, личность, как ныне бы сказали, с пониженной социальной ответственностью. Одним словом, пьяница Олег был забубенный!

И вот этому кадру под роспись выдачи малокалиберный пистолет, пару пачек патронов и отправили на охоту не только за Авоськой, но за всеми другими прикормленными в гарнизоне собаками. Ответственное дело капитан Богомолов начал, основательно приложившись к бутылке. Настроение у него, как правило, после употребления портилось. А тут, как назло, проходя мимо КПП комендантской роты, он узрел своего лютого врага-прапорщика, который был начальником склада АХЧ (админ-хоз части) и, по совместительству, выдавал офицерские пайки. В чем суть этой неприязни я уж и не упомню, но она явилась питательной почвой для последующих событий.

А они, эти события, воспоследовали незамедлительно. Вспомнив про высокую честь обладания наганом, Богомолов объявил, что сейчас он прапорщика расстреляет. Жертва грядущего расстрела, видя состояние угрожающего и его нетвердую поступь и придя к неверным выводам (ибо не была осведомлена о наличии оружия у Богомолова), расплылась в улыбке и сама встала к «стенке» у входа в КПП.

Дальнейшие события живы по настоящее время в моей памяти, потому что разбирать происшествие была назначена комиссия, в которую от политотдела, включили и меня. Богомолов достал пистолет и направил его на жертву. Пока жертва соображала своими прапорщицкими мозгами, прогремел выстрел...

Слава Богу, что, во-первых, Богомолов был «шпаком» и тыловиком – стрелять он не умел и поэтому промазал. Во-вторых, промаху способствовало и его состояние «под шафе», ну и, в-третьих, малокалиберным пистолет был однозарядным. К тому времени, когда стрелок умудрился перезарядить оружие, прапорщик исчез в помещении КПП и последующие призывы капитана предстать пред ним проигнорировал.

Выстрелив для острастки в дверь и никого не задев, капитан Богомолов проследовал далее, но охоты на «бродячих животных» не получилось. В минусе остались 2 истраченных патрона да мокрые прапорщицьи бриджи, ибо тыловики, да еще и прапорщички никогда не относились к категории героев. Про свой ПМ, висевший на боку, дежурный по КПП, к счастью, совсем запомнил...

Получив истерический доклад с КПП комендантской роты, дежурный по штабу поднял по тревоге караул, усилил охрану штаба и парадной, в которой проживали главные лица дивизии, а также возглавил группу по поиску стрелка. Последний вскоре был найден мирно спящим около ограды полевого механизированного хлебозавода...

Расследование было проведено, но инцидент замяли. Богомолу объявили 10 суток ареста, но на губу в штаб группы не отправили, поэтому «догнали» неполным служебным соответствием и ... запретом когда-либо выдавать на руки оружие! Это означало, что его нельзя было ни поставить на дежурство, ни выслать «в поле», куда офицеры обязаны были выходить с оружием. Получилось, что капитан Богомол даже остался в выигрыше от неудавшейся охоты. Как и Авоська – добрые люди его попридержали, вскоре генерал-майор Сырцов отправился к новому месту службы, Авоська вернулся в гарнизон и восстановил позицию всеобщего любимца. Его репутация среди офицеров даже возросла, покормить его порой выстраивалась чуть ли не очередь. Всем вновь прибывшим собаку показывали как главную гарнизонную достопримечательность.

ВИДАТЬ СУДЬБА У НИХ ТАКАЯ

С главным героем предыдущей истории, капитаном Богомоловым, связан и еще один эпизод. Советская Армия была славна тем, что всегда занималась несвойственными военному делу работами. Одним из направлений этой самодеятельности было т.н. «приусадебное хозяйство». Сено косили, картошку сажали, капусту квасили. На остатках солдатского стола откармливали, в том числе, и поросят.

Не всем командирам и работникам тыла удавалось быть успешными свиноводами. Все же в училищах и академиях их этому не учили. Уже в ЛенВО мне пришлось встретиться со знакомым по 93 гв. Мсд артиллеристом. Командир батареи в ЮГВ, к моменту нашей встречи он окончил академию и дорос до командира артполка кадра, правда, личного состава у него полку было меньше, чем в его бывшей батарее. «Зачем мне академия и училище? Кому нужно мое умение вести огонь в составе полка? За это и не спрашивают! Мне бы строительный да зооветтехникум окончить, чтобы хапспособом боксы в парках строить да свиней растить!», - горько шутил командир.

А свинское поголовье, о котором высылались регулярные доклады по инстанции, косили, в основном, праздники да визиты проверяющих...

Но в 5 гвардейском мотострелковом полку нашей славной дивизии приключилась все же настоящая свиная эпидемия и ветврач дивизии капитан О. Богомолов был послан в полк разобраться и устранить проблему.

Прибыв в полк, он, как положено, представился зам по тылу и командиру полка и приступил к исполнению данного ему поручения. Капитан всего себя отдавал делу борьбы за свиные жизни, ну и подкреплял свои силы любимой палинкой. Время шло, и начальник тыла дивизии вспомнил про своего непутового офицера. Попытки связаться ни с ним, ни с полковым тыловиком отчего-то не удавались, и зам по тылу позвонил напрямую комполка.

У командира развернутого по полному штату, т.н. «китайского», полка дел всегда море. «Китайским» мотострелковый полк шутя называли потому, что в нем состояло до полутора тысяч человек, а там где люди, да еще среднеазиатские «черноголовики» в своем большинстве, у командира всегда полный букет проблем, 24 часа в сутки, 7 дней в неделю и т.д.

Получив звонок «сверху», комполка приказал найти и вызвать на ковер ветеринара. Тем более, что ему самому стало интересно – отчего же поросятадохнут в его отличном полку?

Сцену в кабинете командира мне расписал во всех красках замполит полка, ставший невольным ее свидетелем. Изрядно помятого, небритого и не весьма трезвого капитана ветслужбы поставили перед комполка. Беседа явно не клеилась, наказывать за пьянство неподчиненного ему офицера из вышестоящего штаба у комполка дисциплинарной власти не было. Поэтому он сосредоточился на сути проблемы, задав последовательно несколько раз вопрос о причинах гибели свиного поголовья. Богомоллов только мотал головой в ответ – ему было тяжело и стоять, да и говорить особо не хотелось. Поспать бы сейчас или, еще лучше, принять на грудь... ан нет, все теребят дурацкими вопросами!

В итоге, собравшись с силами, он выдал из себя: «Из-за чего мрут? Видать, судьба у них такая!!!»

Говорят, что комполка подскочил чуть ли не до потолка и, рыча, пошел с кулаками на ветеринара. Последнего удалось эвакуировать сначала из кабинета, а потом напрямик в штаб дивизии. Зам по тылу дивизии обреченно наложил на Олега очередное взыскание, а начполитотдела только тихо скрипел зубами от ярости – из комсомола ветеринар выбыл по возрасту, а в партию так и не вступил... Кстати, капитаном он был по «второму кругу» и часто плакался, что разбил одну большую на 4 маленьких звезды.

ПРОГУЛКА ПО «ПРОСПЕКТУ» С ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Два сапога – пара, гласит русская народная мудрость. К описанному выше начпо прилагалась соответствующая женушка. В военном протоколе у нас была поговорка, что жена от майора и выше именуется супругой. В отличие от своего маломерного муженька, это была здоровенная дородная бабища со следами бурной предыдущей жизни на лице.

Повадки ее были под стать мужу. Располагаясь на балконе третьего этажа, она держала под наблюдением все передвижения по двум главным улицам гарнизона. Наличие бинокля облегчало наблюдение за удаленными объектами, а аппарат прямой связи с кабинетом мужа позволял доводить добытую информацию незамедлительно. Дежурила она на своем НП постоянно, отвлекаясь только на «шмон» магазинов и складов Военторга, к чему питала не меньшее пристрастие.

Знала эта бабища все, что творилось в гарнизоне и лезла во все склоки без разбора. Меня она ненавидела не меньше своего муженька и даже выселила из квартиры в общежитие рабочих и служащих СА, пользуясь моим «разведенным» статусом. Так получилось, что у моего хорошего знакомого капитана, помощника начальника разведки, родился второй ребенок, а жили они в масенькой однушке, да еще и в подвальном помещении. Место сырое и дети постоянно болели. И вот в ночь перед моим выселением в общежитие, мы «перекинули» их вещи из подвала в занимаемую мной двух-комнатную квартиру (как-никак, а занимал я майорскую должность!).

Что тут началось! Оказалось, что в мою бывшую квартиру начальница планировала вселить заведующую складом Военторга группового подчинения, разведенную и наглуую бабу. А капитан оказался принципиальным, и освободить занятую территорию отказался, сославшись на заключение детского врача. Новый командир дивизии, полковник Золотов Л.С., встал на сторону разведчика и начпо вынужден был пойти на попятную. Отыгрался он, как положено, на мне – заселил четвертым в комнату, что занимали 3 вольнонаемных сантехника! Западенские венгры из Мукачево жили, в основном, фарцовкой. Они перепродавали цветные телевизоры, что везли офицеры и прапорщики из отпусков, местным венграм, удерживая свою «комиссию». Единственно, кто мог составить им конкуренцию, был начальник гарнизонной ВАИ прапорщик Вегеш, также мукачевский венгр. Почему-то венгерская помышленность цветные телевизоры не производила и они были в дефиците.

С этими мужиками, как ни странно, я ужился, они уважали меня за то, что я знал «настоящий» венгерский. Мой телевизор, честно привезенный из единственного отпуска, они мне даже предложили продать без «комиссии», но я его вез целенаправленно для знакомого из областного штаба рабочей милиции.

После насильственного переселения я решил «поблагодарить» начальницу. Как-то, вернувшись из поездки к венграм и отпустив машину от входа в городок (внутри строго запрещалось въезжать всем, кроме комдива, замов и командира местного полка), я «изобразил» пьяную походку на пути к своей общаге. Не успел я снять сапоги, а посыльный уже барабанил в дверь с требованием прибыть к начпо. Он был так уверен, что я «нализался» в гостях, что пригласил к себе командира дивизии, дабы продемонстрировать мое «истинное лицо». Комдив ко мне очень хорошо относился. Велико же было его разочарование! Гигант-комдив лишь хрюкнул от смеха и удалился...

С начальником Главного оперативного управления – заместителем начальника Генштаба генерал-полковником Золотовым Л.С., я несколько раз встречался во время службы в Москве, в т.ч. и довольно неформально. Как-то он меня с ухмылкой спросил: «Начпо своего вспоминаешь?» и тут же сам ответил: «Гадкий был человечешко!»...

ДВОЙНАЯ ОТВАЛЬНАЯ

Служба моя в ЮГВ, к моей большой радости, подходила к завершению. Ненависть ко мне со стороны начпо ускорила мой отъезд. Это было единственное, чем он мог меня отблагодарить, ибо заменялся я в ЛенВО, а не в обещанный Камень Рыболов. Как только в конце ноября 1982 г. был подписан приказ о замене на следующий год, меня решили «эвакуировать в рублевую зону». Уже произведен был финансовый расчет, вот-вот с партучета сниматься, а тут умирает наш Генеральный секретарь, Верховный Главнокомандующий, да еще и Маршал Советского Союза товарищ Леонид Ильич Брежнев.

В числе прочих приятностей, начпо решил меня отправить в Союз 12 ноября, в мой день рождения. Поэтому, я решил отпраздновать это событие заранее, объединив его с традиционной «отвальной». Хотя и скончался дорогой Леонид Ильич официально 10 ноября, но объявили о страшном горе, постигшем весь советский народ, во второй половине 11 ноября. А все уже было заготовлено, стол накрыт и только слюнки множились во рту участников.

Наши власти пребывали в трансе, никаких указаний не поступало, хотя траур уже объявили... Но и траур замене не помеха! Компания собралась, поела, хорошо выпила и заклад о кощунственном проступке ст. л-нта Сабурова прошел незамедлительно.

Но какое-то внутреннее чувство опасности воспрепятствовало тому, чтобы я, как положено, в усмерть напился на отвальной. Ранним утром я уже стоял в «предбаннике» у начпо, ожидая очередной пакости, но был трезв и свеж. Начпо меня всего обнюхал, но, обескураженный, вынужден был ограничиться общими угрозами разобраться со мной «позже».

К тому времени он уже получил указания «сверху» организовать книгу соболезнований и пригнать как можно больше венгров в зал, где портрет безвременно ушедшего Генсека с траурной лентой по очереди сторожили офицеры штаба дивизии при полном параде.

Мой сменщик уже прибыл, но венгерского языка он не знал и начпо принял решение меня «задержать»... В итоге, пришлось проехаться с этой книгой соболезнований по всем венгерским знакомым и книга оказалась самой представительной из всех дивизий Группы. Было и такое соревнование!

Начпо получил благодарность, потом пришлось снова объезжать венгров и благодарить за участие... одним словом только в начале декабря меня он «разрешил» откомандировать. Но приказ по Группе уже состоялся и мне никто, естественно, денег за месяц не заплатил. А чтобы не повторилась «отвальная» мой уважаемый начальничек вручил мне открепительный талон (т.е. снял с партийного учета) за 30 мин до отхода поезда.

Хорошо, что начальник местной ж.д. станции, бывший моим хорошим знакомым, задержал московский поезд, который следовал с минутной остановкой в Кечкемете, и дал мне в него погрузиться...

Так завершился мой венгерский анабазис, продолжавшийся 2 года и почти 11 месяцев.

P.S.

Летом 2011 года, еще работая в миссии ООН в Косово, я решил съездить в Венгрию и освежить свои воспоминания более чем 30-летней давности. Сразу признаюсь, что время поездки было выбрано крайне неудачно – на Балканах стояла удушающая более чем 30-градусная жара. Добравшись на автобусе из Приштины, я сел в Белграде на будапештский поезд...

На улице было хорошо за + 35, поезд неспешно тащился по равнине в направлении населенной венграми сербской Войводины. Напротив меня маялась от жары пожилая пара. Во время очередной непредвиденной стоянки в чистом поле я попытался выйти из вагона на природу, но отказался закрыт! Пришлось париться в железной коробке и дальше, без единого дуновения ветерка.

Наконец-то проехали грязную и неухоженную Субботицу и с моими сопутешественниками произошло резкое изменение – они заговорили на венгерском! Я стал прислушиваться и к своей радости осознал, что понимаю практически все! А ведь последний раз я вел обзорную экскурсию по Ленинграду на венгерском в 1984 году для начальника Генштаба Венгерской народной армии.

Мое пристальное вслушивание в разговор привлекло внимание старика, и он спросил меня кто я и откуда. Запаса остатков венгерского хватило только на то, чтобы объяснить, то учил язык в Военном университете, более 30 лет тому назад служил молодым офицером в Кечкемете, а ныне работаю в ООН.

Тут подоспела и граница. Сербьы проверили мой русский паспорт с греческим Шенгеном и ООНовский пропуск поверхностно, а вот венгерские пограничники вцепились в меня по-настоящему. Допрос был основательный, мне сразу же показалось, что старик-венгр успел уже «настучать». Особое удивление вызвало у бдительных стражей мои планы посетить место прежней службы. Расспросы насчет знакомых и адресов моего планируемого пребывания были весьма настоятельны...

Наконец-то меня впустили в Венгрию! Картинка за окном вагона заметно повеселела, но и температура опять поползла вверх. Стало еще жарче. С моими попутчиками-стукачами мне говорить уже не хотелось и я разговорился с парой немецких студентов из соседнего купе, уже на английском. У них оказалась карта Венгрии и, намучавшись от жары, я решил ехать напрямик в Кечкемет местными железнодорожными сообщениями, а не тащиться через Будапешт.

Переговорил с проводницей и покинул поезд на станции в 40 км от Кечкемета, где стал ожидать местный «подкидыш». Полуденное марево так и требовало забиться в прохладный уголок, но надо было решать внезапно всплывшую проблему. У меня не было форинтов и я хотел оплатить билет банковской или долларовой картой, или наличными евро, но ... Евро не взяли, а про банковскую карту мне сказали, что, хотя, терминал и есть, но управляться с ним умеет лишь какая-то Жужица, которая в тот день не работала. Посоветовали пойти и попытаться обменять евро на форинты в корчме.

В прохладном зале тихо попивал пиво одинокий старик, в размене мне отказали, но налили холодной воды из-под крана. И на том спасибо. Время подходило к отходу поезда, а билетная проблема не была решена.

Но тут я увидел медленно двигавшуюся по дорожке цыганскую повозку. Эврика! Эти люди в свое время могли все, неужто-то они изменились? Нет! И это было моим спасением. По какому-то невероятному курсу, но цыган поменял мне требуемое количество форинтов (что-то меньше 10 евро), я купил билет и через час выходил из кондиционированного вагона уже на станции Кечкемет.

Ничего с тех пор ни на станции, ни на центральном бульваре не изменилось, Ан нет, стоп! Исчез памятник воинам Советской Армии-освободительницы, к которому мы возлагали венки 9 мая, не стало и масенького бюста-памятника Ленину. Но в бывшей синагоге по-прежнему находился музей науки и техники, но уже без мини-копии космического корабля, на котором совершил свой полет первый венгр-космонавт. Его дублер, кстати, родом был из Кечкемета и привез этот экспонат в свой родной город в 1982 году.

Добрел до бронированной гостиницы, ранее она звалась «Симферополь» (по названию города побратима), ныне же стала «Тисой». В номерах ничего не изменилось – не появился даже кондиционер. При вселении опять последовал допрос с пристрастием...

Помывшись-побрившись я вышел в центр города, прошелся по всем местным достопримечательностям, а потом долго ждал все тот же автобус номер 3 до Песчаных карьеров. Купил билет, поговорил с водителем, который мне поведал, что русских он видел уже лет 20. Тронулись... Бывший обком партии стал зданием областной администрации, казармы батальона связи снесены и на пустыре гуляют козы, развалины филиала некогда мощного завода «Видеотон», казармы артиллерийского полка все еще стоят...

Доехали до гарнизона Хомокбаня – Песчаные карьеры... Развал, запустение, битые окна, поваленный забор... Некогда новое здание штаба дивизии покрыто сажей – выгорело полностью. 15 минут хватило, чтобы дойти до штаба и понять, что вглубь гарнизона идти не хочется. Тем более, что уже вечерело.

Автобусом вернулся в центр, водителем был молодой парень и разговаривать с ним было бесполезно.

Вечером сел в ресторанчике поужинать и, на мое удивление, получил полную информацию от средних лет официанта. Оказалось, что после вывода дивизии на Украину, местные власти расселили в гарнизоне местных цыган. Те, прожив зиму и выломав все, что только можно, весной отбыли в свои путешествия, а остатки городка просто подпалили... Так и стоят они уже много лет в разрушенном виде...

Поужинал, поразился высокому ценнику на еду-питье и ушел спать. Утром я отбыл на вокзал. Двух своих друзей, я решил не навещать. Может быть мне показалось, но я явно ощущал внимание к своей скромной персоне. В холле гостиницы сидел полицейский, к моему отъезду из Хомокбани другой полицаец «посадил» меня в автобус, да и на вокзале мой отъезд не оказался незамеченным. Сев в Цегледе на белградский поезд, я подвергся атаке со стороны проводницы, допросившей меня почему я не ехал от Будапешта.

Итог поездки для меня печален – прошлое порушено и сожжено. Из милой недорогой и вкусной страны, с серьезным промышленным потенциалом, Венгрия превратилась во второразрядную провинцию Евросоюза с низкими зарплатами и высоким ценами. То же самое я наблюдал и в Болгарии... И последнее – меня поразило пристальное внимание к своей особе. Но был и неожиданный плюс – начал возвращаться венгерский, откуда-то из тумана всплывали целые тирады. Уже через несколько часов я мог успешно объясняться почти на все темы, а на следующий день не испытывал почти никаких проблем. Какая же великая вещь – наш «бортовой компьютер» и как здорово нас учили языкам в нашей бурсе!